

СИСТЕМНАЯ ИСТОРИЯ
МИРОВОГО ПОРЯДКА

Двухтомный труд профессора Флорентийского университета Эннио Ди Нольфо* стал одним из наиболее крупных исследований по истории международных отношений, вышедших на русском языке за последнее десятилетие. Автор прослеживает развитие сотрудничества и конфликтов между ведущими мировыми державами, а также их деятельность на периферии международной системы на протяжении восьмидесятилетнего периода. На отрезок времени с 1918 по 1999 годы пришлось мирное урегулирование после Первой мировой войны и постепенное разрушение версальского миропорядка, кровопролитные сражения и дипломатия Второй мировой войны, растянувшаяся на сорок лет биполярная конфронтация и ее внезапное завершение, наконец, стремительное ускорение развития международного сообщества, появление новых движущих сил мировой политики в 1990-е годы.

Русскоязычное издание труда итальянского историка, несомненно, выиграло от научной редакции перевода, выполненной видным российским специалистом по новейшей истории профессором М. М. Наринским. Книгу отличает легкий, но вместе с тем не наносящий ущерб глубине анализа академический стиль, что является довольно редким сочетанием для исторических трудов подобного масштаба (и особенно их переводных изданий).

Первый том исследования посвящен периоду между двумя мировыми войнами, во втором прослеживается история противостояния между Западом и Востоком после Второй мировой войны. Ди Нольфо придерживается системного подхода к изучению международных отношений. По его мнению, «задача историка — реконструировать... перипетии прошлого, выявляя моменты, когда ход событий приобретает... быстрые темпы, и выделяя периоды, во время которых разные исторические процессы сплетаются в проблемные узлы. Вокруг них и следует строить изложение проблематики, позволяющее понять совокупность тенденций как систему, показать взаимосвязь различных действующих сил, решений, вырабатываемых в связи с возникающими проблемами» (т. II, стр. 400).

В своем анализе автор не останавливается исключительно на военно-политических аспектах миропорядка, но уделяет достаточно внимания социально-экономическим, культурно-идеологическим и психоло-

гическим характеристикам эпохи. Такой подход выгодно отличает труд Ди Нольфо от более традиционных исторических исследований международных отношений. Скажем, анализ экономического измерения международных отношений позволяет заключить, что быстрое восстановление отношений Советской России со странами Западной Европы и Азии в середине 1920-х произошло благодаря дореволюционной «встроенности» России в систему мирохозяйственных связей. Эти связи оказались не столь сложно восстановить даже после радикальной перемены политического режима. Другой пример: важным экономическим аспектом версальского порядка явилось то, что, лишив Германию колоний, союзники тем самым сняли с Берлина груз финансирования дорогостоящей колониальной политики, которую проводили другие крупные европейские державы. Таким образом были созданы предпосылки для быстрого восстановления германской экономики и последующей концентрации ресурсов на развитии военной промышленности.

Важным преимуществом книги по сравнению с другими учебными пособиями является и то, что оно не ограничено традиционными рамками межвоенного периода либо ялтинско-потсдамского порядка. Исследование Ди Нольфо органично сочетает анализ всех исторических этапов с завершения Первой мировой войны до последнего десятилетия XX века. Такой сквозной взгляд позволяет сравнить во всех подробностях, с одной стороны, межвоенное мирное урегулирование и его крах, с другой — международный порядок, возникший после Второй мировой войны. Особенно плодотворным представляется сопоставление проблем лидерства и ценностного измерения международной системы до и после Второй мировой войны.

Автор указывает, что в 1920-е годы США уже стали фактическим лидером мировой экономики, однако еще не перешли к лидерской модели поведения в международной политике — активному продвижению собственных проектов развития международного сообщества, что могло снизить риски, возникавшие в связи с ревизионистскими устремлениями крупных европейских и азиатских держав.

Как полагает Ди Нольфо, лидер был необходим международному сообществу для поддержания порядка и безопасности. Функция лидера должна была заключаться в создании и дальнейшем применении надежной правовой базы, на которой могли бы основываться отношения между государствами. Намеренный отход государств Европы

* Э. Ди Нольфо. История международных отношений (1918—1999). В 2-х тт. / Под ред. М. М. Наринского. М., Логос, 2003, 572, 744 стр.

от лидерской модели управления международными отношениями привел к тому, что, когда необходимость сдерживания агрессивно-ревизионистских стран проявилась в полный рост, никакая сила не была в состоянии обеспечить реализацию норм, с которыми все, включая держав-ревизионистов, когда-то были согласны. «Союзники в тот самый момент, когда они вынуждали Германию разоружиться, брали на себя обязательство сделать то же самое во избежание легитимации возможного неисполнения обязательств немецкой стороной» (*т. I, стр. 112*), — вместо того чтобы признать де-факто неравенство государств на международной арене в связи с той ролью, которую каждое из них было призвано играть, победители и побежденные, бескомпромиссные в ходе Первой мировой войны, по ее окончании, с одной стороны, пошли на фарс единообразного применения норм всеобщего разоружения, а с другой — без необходимости внесли ряд унижительных для побежденных положений в структуру мирного урегулирования.

Из негативных последствий отсутствия лидера в межвоенный период были извлечены уроки. В 1945-м согласие победивших в войне держав с принципом юридического равенства субъектов международного права не создало препятствий для утверждения фактического превосходства лидеров международной системы, которые наделили себя особыми полномочиями по противодействию угрозам миру и безопасности. Кроме того, недостатка «лидерских гормонов» в международных отношениях после 1945 года не наблюдалось ввиду начала глобального противостояния между двумя набиравшими силу сверхдержавами, каждая из которых стремилась к расширению лагеря собственной поддержки.

Сопоставление межвоенных событий и мирного урегулирования после Второй мировой войны также высвечивает роль морали и ценностей в стабилизации международной системы. В межвоенный период ведущие государства Запада (прежде всего Великобритания) мало учитывали при выработке своей стратегии соображения ценностного порядка. Сущность режимов Муссолини и Гитлера позволяла западным политикам на основе уже давно известных критериев предсказать агрессивный и бескомпромиссный характер внешней политики нацистской Германии и фашистской Италии. Режим авторитарного толка, не ограниченный демократическим волеизъявлением граждан, попавших в плен идеологических мифов, не поддавался умиротворению на основе временных компромиссов. Помимо учета военного и экономического потенциалов Гитлера и его союзников, Западу было

необходимо проявить реализм в оценке, как это ни странно, *ценностно-идеологических* оснований, на которых строилась внешнеполитическая активность фюрера. «В условиях разложения находившегося, по его (Гитлера. — *М. Т.*) мнению, под властью еврейских финансов капитализма и извращений, присущих насильственному коллективизму большевистского толка, Гитлер считал себя носителем исторической миссии по спасению чистоты европейской традиции, символизовавшейся арийской расой». При этом фюрера отличала «индифферентность к иерархии во внутреннем и международном плане и установка на насильственное уничтожение капиталистической системы» (*т. I, стр. 318*). Адекватная оценка перспектив внешней политики державы, чей единоличный лидер исповедует подобные ценности, и принятие соответствующих мер ограничили бы внешнеполитические амбиции Гитлера. Серьезному испытанию была бы подвергнута внутренняя стабильность нацистского режима, который мог пользоваться внутренней поддержкой только в условиях непрекращающейся экспансии.

Более сложные ценностные дилеммы приходилось решать Западу в отношениях с СССР. При всей склонности советского руководства к использованию возникавших в Европе противоречий и расширению Советского Союза за счет утраченных Российской империей территорий, политика Сталина, на союз с которым Запад все равно пошел в ходе Второй мировой войны, в отличие от гитлеровской, не представляла в 1930-е годы немедленной угрозы европейскому международному порядку.

Окончательное осознание важности ценностного измерения во внешнеполитическом планировании и поддержании устойчивости международной системы пришло к союзникам по антигитлеровской коалиции в ходе войны. Тогда стало ясно, что агрессорами были «авторитарные и диктаторские режимы... Жертвами нападения стали: Польша (в демократическом характере которой были основания сомневаться), Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия, Франция, Великобритания, то есть североатлантические демократии» (*т. I, стр. 320*).

После Второй мировой войны ценностное измерение вновь было привнесено в международные отношения Соединенными Штатами. Однако в 1940-е годы это было сделано более последовательно. Следует учитывать, что, настаивая на претворении в жизнь на Европейском континенте американских политических, экономических и религиозных норм, а также на отказе от дальнейших наступательных действий по территориальному переустройству, президент США Рузвельт прежде всего стремился склонить изо-

ляционистски настроенный конгресс к поддержке идеи вмешательства в глобальный конфликт на стороне Великобритании и СССР. На международном уровне эти ценности получили закрепление в Атлантической хартии 1941 года — декларации о принципах послевоенного мироустройства, а затем были воплощены в международных институтах: системе ООН, ГАТТ, а также МВФ и Всемирном банке. Через короткое время, однако, эти институты оказались частично парализованными вследствие вновь возникшего ценностного раскола — на этот раз между «капиталистическим и либеральным Западом» и «коммунистическим и авторитарным Востоком».

Автор подробно останавливается на германской проблеме и ее роли в разжигании вражды между СССР и Западом. При этом, в отличие от целого ряда работ, в книге Ди Нольфо тщательно анализируются «первые ростки» противоречий по германскому вопросу, проявившиеся еще в 1946 году, когда советское руководство отвергло проект политического соглашения по германскому урегулированию, предложенный государственным секретарем США Дж. Ф. Бирнсом, как создающий предпосылки для изоляции СССР и сокращающий возможности получения Советским Союзом с Германии его доли репараций. Нарушение единства оккупационных зон, а значит, раскол коалиции были предрешиены. Усугубленные конфликтами по ряду других проблем (становление «народных демократий» в Восточной Европе, обладание ядерным оружием и т. д.), германский вопрос привел к острой конфронтации между бывшими союзниками, продолжавшейся до «хрущевской внешнеполитической оттепели» середины 1950-х.

Особый интерес читателя может вызвать раздел второго тома, посвященный процессам, происходившим в евроатлантическом сообществе с середины 1970-х годов до заключения в 1992-м Маастрихтского договора о создании Европейского союза. Вопреки традиционному мнению о десятилетии после 1975 года как о периоде «евросклероза», Ди Нольфо демонстрирует, что именно в это время были заложены основы для последующего качественного скачка в процессе европейской интеграции. К принятию Единого европейского акта стран — участниц Европейских сообществ (1985—1987) подталкивали сначала обострение напряженности в отношениях Восток — Запад на рубеже 1970—1980-х годов (проблема «евроракет», афганское противостояние, польский кризис и т. д.), а затем — «горбачевская разрядка» и снижение риска масштабной конфронтации. Таким образом, на фоне отношений между двумя

сверхдержавами происходило постепенное укрепление западноевропейской идентичности, приведшее к размыванию биполярности и выходу Европейского союза на международную арену в роли влиятельного игрока.

Говоря о недостатках книги, нельзя не заметить, что Ди Нольфо включает в заявленные исторические рамки исследования десятилетний период после окончания «холодной войны». Тем не менее автор фактически останавливается на 1990-е годы и лишь предельно кратко характеризует последующий период. Уверен, многие читатели почувствуют разочарование, не обнаружив анализа насыщенных событиями постбиполярных реалий глобализирующегося мира.

Отмечу также, что Ди Нольфо (по понятным причинам) зачастую чрезмерно подробно анализирует внешнюю политику и международные отношения Италии. Это особенно бросается в глаза при ознакомлении с первым томом, где пристальное внимание итальянской внутренней и внешней политике уделяется автором в ущерб рассмотрению аналогичных тенденций, касающихся Советской России, важность международной роли которой постоянно возрастала на протяжении 1920 — 1930-х годов. К первой половине 1930-х Советский Союз уже вряд ли уступал Италии по значимости в качестве субъекта международных отношений в Европе.

Обладая в целом значительной ценностью для всех интересующихся международными отношениями в XX веке, двухтомник Ди Нольфо является результатом плодотворного сотрудничества между ведущими российскими и зарубежными центрами исследования международных отношений, а также благотворительными организациями, чья деятельность направлена на поддержку российской науки и образования. Полный текст двухтомника размещен в сети Интернет на сайте «ИНО-Центр» (<http://www.ino-center.ru/publications/nolfo.html>). Общедоступность текста издания, несомненно, создает широкие возможности для использования книги Ди Нольфо преподавателями и студентами в качестве пособия при изучении курсов по истории международных отношений XX века. В условиях труднодоступности печатных экземпляров изданий готовность грантодателей финансировать создание электронных версий высококачественных учебных пособий, а обладателей авторских прав — согласиться с распространением их текстов через Интернет имеет огромное значение для развития российского высшего и послевузовского образования.

М. ТРОИЦКИЙ,
кандидат политических наук